

УДК 303.446.4(366)

ББК 3(4ВЕЛ)64

ГСНТИ 03.09.55

Код ВАК 07.00.09

М.В. Тимофеева

Екатеринбург

**«СПОР О ДЖЕНТРИ» В БРИТАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XX В.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Английская революция, Гражданская война, джентри, аристократия, класс.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается научная дискуссия, развернувшаяся в британской историографии в середине XX в. и вошедшая в историю как «спор о джентри». Анализируются наиболее известные работы историков в обозначенный период.

M.V. Timofeeva

Yekaterinburg

**STORM OVER THE GENTRY IN BRITISH
HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE XXth
CENTURY**

KEY WORD: English Revolution, Civil War, Gentry, Aristocracy, Class.

ABSTRACT: This article is devoted to the scientific discussion of the British historiography of the middle of the XX th century called «Storm over the Gentry». The author analyses the most famous articles of British historians of this period.

Английская революция XVII в. является крупнейшим событием как в истории Великобритании, так и мировой истории. Ее значение и в наши дни сложно переоценить. История же изучения Английской революции вызывает не меньший интерес, чем и сам объект исследования.

Одной из значимых вех в историографии Английской революции явился знаменитый «спор о джентри». Отправной точкой научной дискуссии стала статья профессора Лондонского университета Р.Г. Тоуни «Возвышение джентри, 1558–1640 гг.», опубликованная в 1941 г. [16]. В основу концепции Тоуни легла теория Гаррингтона о гражданской войне как о войне, в ходе которой шла борьба за установление нового баланса собственности.

Тоуни выдвинул гипотезу об экономическом и социальном росте джентри применительно к столетию, предшествовавшему революции. Экономический рост джентри был связан с предоставленной возможностью в конце XVI в. заполучить часть церковных земель и владений английской знати. Приобретение земель церкви и знати возвеличило джентри, предоставив им не только экономическую основу для роста доходов, но и политическое влияние.

Другая причина «возвышения» джентри кроется, по мнению Тоуни, в присущих представителям этой социальной группы личным качествам. Среди них – хозяйственная хватка, предприимчивость, усердие в работе, бережливость и восприятие новых способов ведения хозяйства. Стремление короны остановить процесс «возвышения» джентри в середине XVII столетия привело к росту протеста среди нового дворянства, вылившегося в революцию. Напротив, английская аристократия, утверждал Тоуни, в этот период переживала финансовые затруднения. Во многом они были вызваны инфляцией, в результате которой расходы аристократии стремительно росли, а доходы оставались неизменными. Сама же революция, подчеркнул Тоуни, явилась закономерным результатом социально-экономических изменений в Англии, в ходе которых феодальные отношения были заменены на новые капиталистические.

Тезис об экономическом упадке аристократии Англии в столетие, предшествующее революции, был оспорен специалистом по новой истории Западной Европы Х.Р. Тревор-Ропером [17, 19]. Он одним из первых предпринял попытку пересмотреть позицию джентри в Английской революции, охарактеризовав их «простым» джентри. События XVII в. в Англии Тревор-Ропер предложил рассмотреть через противопоставление «двора» и «страны». «Двор» в интерпретации оксфордского историка включал в себя окружение короля и всех тех, кто занимал так называемые «прибыльные» должности в бюрократическом аппарате Англии. Именно занятие этих должностей, полагал Тревор-Ропер, приносило высокие прибыли их обладателям. Таким образом, возвышение в столетие, предшествующее революции, переживала именно аристократия, которая богатела вовсе не от получения прибыли от земельной собственности, а от финансовых возможностей своих должностей.

Соответственно, тезис о бурном развитии капиталистических отношений в Англии накануне революции в XVII в. является ошибочным. Выразители интересов «страны» простые землевладельцы – джентри – при всем своем желании не могли в массе своей занять высоко оплачиваемые должности в аппарате управления.

Особо следует отметить, что Тревор-Ропер отождествил «простых» джентри с индпендентами. По мнению историка, индпенденты – это мелкие сельские джентри, обнищавшие в силу изменения экономической обстановки настолько, что стали готовы бороться за свое имущество революционным путем, организовав мятежи и участвуя в бунтах. Вот почему партия индпендентов – это партия бунтарей, отстаивающих буржуазно-революционные требования с тенденцией перехода к анархии. Тогда не удивительно, почему индпенденты не имели в своей программе ничего созидательного, а лишь ратовали за свержение монархического строя и формирование привилегий для нового дворянства.

Вскоре в дискуссию между Тоуни и Тревор-Ропером о положении джентри вступили и другие историки. Гипотезу Тоуни поддержал ряд авторитетных исследователей Английской революции, среди которых одним из первых стал оксфордский историк Л. Стоун в статье «Анатомия елизаветинской аристократии» [12].

Видный британский историк-марксист К. Хилл также выразил солидарность с основными идеями Тоуни. Проводимые Хиллом в этот период исследования социально-экономического развития Англии в XVI–XVII вв. были прямо или косвенно направлены на определение места джентри в социально-экономической структуре английского общества. Интерес к выявлению положения этого социального слоя был обусловлен и развернувшимся «спором о джентри». Эта дискуссия предопределила появление статьи Хилла «Новейшие интерпретации Гражданской войны в Англии», в которой историк выразил свою позицию относительно джентри [6]. Более того, в данной работе Хилл не только изложил собственное мнение о положении джентри накануне революции, но и позволил себе дать оценку гипотезам о положении этого социального слоя в экономической иерархии общества некоторых ведущих исследователей Английской революции.

Каково было отношение Хилла к концепциям, предлагаемым Тоуни и Тревор-Ропером? В отличие от выводов Тоуни, результаты исследования Тревор-Ропера кажутся Хиллу спорными. В анализируемой работе Тревор-Ропера «Джентри в 1540–1640 гг.» [19], Хилл обнаружил и фактические, и логические противоречия. Возможно, тому виной стала источниковая база и методы, которые использовал этот консервативный историк в своих исследованиях. Хилл отмечает, что Тревор-Ропер привлекает два основных источника, чтобы показать тех, кого он описывает как переживающих упадок джентри: «Записная книжка роялиста» (сэра Джона Оглендера) [11] и «Календарь комитета по отказу арендаторам-должникам» [3]. Поэтому, замечает Хилл, представляется несколько странным основанное на этих источниках заявление Тревор-Ропера о приравнивании приходящего в упадок джентри к индипендентам. «На его собственных свидетельствах мы должны были ожидать увидеть джентри в ином свете. После критических замечаний профессора Тревор-Ропера и мистера Купера кажется ясным, что статистика, с помощью которой профессор Тоуни развивает свою теорию, доказывает, что земля была передана короной джентри в предшествующее 1640 г. столетие. Но профессор Тревор-Ропер не провел статистических исследований вообще. Упадок джентри может или не может существовать, может или не может являться политически значимым, джентри могут или не могут быть индипендентами – но ни одно из этих утверждений не было подтверждено с помощью статистики. Метод профессора Тревор-Ропера – это метод осуществления выборки и заключений. Следовательно, опровергнуть аргумент, основанный на статистике, сложнее. Но и он не должен быть расценен как установленный факт» [7. Р. 9–10].

В самой гипотезе Тревор-Ропера Хилл находит ряд противоречий и неточностей. Так, спорным Хилл считает определение, применяемое Тревор-Ропером к джентри: «Хотя он и критикует использование категории "джентри" профессором Тоуни, собственное употребление этого слова профессором Тревор-Ропером является в целом неудовлетворительным. Мы, конечно, должны начать с факта, что джентри не были экономическим классом. Они были социальным классом, имеющим определенный правовой статус; в экономическом плане в нем не было единства. В результате

инфляции в предшествующее 1640 г. столетие состоялось экономическое разделение внутри общества. Некоторые йомены возвысились до уровня дворянства, другие исчезали. Некоторые пэры накапливали обширные состояния, другие находились на грани банкротства. Легко утверждать, что джентри или "росли" или "переживали упадок", если мы берем конкретные примеры этого класса: некоторые семьи делали одно, другие другое. О правовом статусе не нужно говорить так, как если бы это был экономический статус в любом случае. То, в чем мы нуждаемся, – так это наиболее точно проанализировать путь, по которому происходило деление дворянства, а также более точная хронология продвижения "вверх" и "вниз" отдельных семей» [7. Р. 8].

Особое внимание Хилла к концепции Тревор-Ропера привлекло использование последним таких категорий, как «двор» и «страна». «Я подозреваю, что более полезными категориями, чем "двор" и "страна" по отношению к джентри профессора Тревор-Ропера могли бы быть те, кто становился простыми рантье и те, кто был активно занят в производстве, в сельском хозяйстве, промышленности или торговле. Эта последняя группа включила бы в себя влиятельных йоменов, которых профессор Тревор-Ропер рассматривает в общем порядке; она также включила бы тех продавцов одежды и тканей или инвесторов в иностранное предприятие, которых Тревор-Ропер действительно упоминает, но, возможно, недостаточно подчеркивает. Во-вторых, профессор Тревор-Ропер, мне кажется, слишком легко переходит от понятий "простого джентри", "мелкого джентри" к "переживающему упадок джентри". Но мелкое джентри включало и тех, кто успешно поднялся из йоменов» [7. Р. 8.].

Останавливается Хилл и на анализе заявлений Тревор-Ропера об источниках доходов джентри. Так, Хилл отмечает, что «предположение профессора Тревор-Ропера, что прибыль джентри не была получена от сельского хозяйства, не доказано. Действительно, это, кажется, логически противоречит его собственному акценту на больших состояниях, заработанных юристами. Каковы источники доходов юристов? Клиенты большинства юристов судились за землю. Люди хотели владеть землей по социальным также как и по экономическим причинам... Профессор Тревор-Ропер обвиняет профессора Тоуни в "ненависти к английскому

дворянству", потому что он предполагает, что прибыль с землевладельцев была получена за счет крестьянства. Экономическая мощь, как считает Тревор-Ропер, была получена "за счет крестьянства меньше, чем за счет короны". Но деньги не росли на деревьях в Уайтхолле. Король... должен был собрать деньги с кого-то, кто заработал их тяжелым трудом; можно подозревать, что крестьяне, в конечном счете, платили налоги, которые финансировали суд не меньше, чем они платили за аренду, которая финансировала джентри. Профессор Тревор-Ропер включает адвокатов в ту же самую категорию, что и придворных, в противоположность "простому" джентри. Но когда он говорит о джентри "двора" в целом (включая адвокатов), у него есть тенденция равнять их с роялистами в гражданской войне, тогда как, по крайней мере, большая часть адвокатов, как известно, поддержала парламент» [7. Р. 8–9].

Сам Хилл определяет джентри как социальный класс, обладающий определенным социальным статусом, внутри которого происходила социальная дифференциация. Джентри не имели общего сознания, присущего классу, вместе с тем, они и не являлись экономическим классом как таковым. В подтверждение своих доводов об ошибочном отнесении джентри к категории, переживающей экономические затруднения, Хилл приводит результаты собственных исследований. Так, проанализировав биографический словарь членов Долгого парламента, составленный исследовательницей М.Ф. Килер [9], историк заключил, что более шестидесяти членов парламента, оставшиеся после «Прайдовой чистки», были дворянами. Судя по всему, их трудно было охарактеризовать как переживающих упадок: девять из них являлись адвокатами, многие были придворными или королевскими чиновниками, иные же – выходцами из семей адвокатов и придворных. Многие из тех индипендентов, которые были «простыми» дворянами, вошли в палату в качестве «вербовщиков» после 1645 г. Таким образом, этот факт не может быть использован в качестве свидетельства для происхождения гражданской войны. Более того, Хилл указывает на то, что лидеры индипендентов сами были очень богатыми людьми (среди них Вейн (Vane), Пеннингтон (Pennington), Уайтлокк (Whitelocke) и др.) [7. Р. 10].

Вызывают сомнения у Хилла и выводы, к которым пришел Тревор-Ропер относительно «переживающего упадок дворянина»

О. Кромвеля. Хилл приводит пример того, что Тревор-Ропер утверждает, будто бы Кромвель, подобно Якову I и Лоду, был неспособен управлять парламентом из-за своей некомпетентности, отношения «заднескамеечника», типичного для мелкого джентри-инdependента [6. Р. 13]. К. Хилл отмечает, что даже если предположить, будто Кромвель относился к категории разоряющегося джентри, это не помогло бы объяснить гражданскую войну. Хилл более склоняется к выводу, что сама гражданская война, вероятно, не была бы выиграна без индепендентов, но они и не начинали ее. Подтверждением тому служит факт, что те, кто находились под контролем Вестминстера к началу войны, не были индепендентами. Они были достаточно богатыми и влиятельными. Более того, Тревор-Ропер вводит в заблуждение еще и тем, что всегда упоминает пресвитериан и роялистов в таком контексте, как если бы они проявляли единство в своих выступлениях, что абсурдно до 1647 г. [7. Р. 11].

Но среди прочих Хилл считает наиболее неубедительным утверждение Тревор-Ропера относительно отношения джентри к религии: «Для него экономические нужды переживающего упадок дворянства могли бы быть выражены или римским католицизмом или индепендентством... Профессор Тревор-Ропер требует, чтобы мы видели во всем только отражение финансовых затруднений части английского нового дворянства. Духовная борьба Мильтона, Вейна, Роджера Уильямса – только побочное явление спада экономической активности. Эту идею трудно обсуждать серьезно. Можно выделить только три кратких пункта. Во-первых, если мы ищем причинные связи между неповиновением и спадом экономической активности, то, конечно, мало вероятно, что дворянин становился католиком из-за бедности чем то, что его бедность была вызвана наказанием за неповиновение? Во-вторых, радикальный пуританизм определенно связывается современниками с городами, поскольку действительно подобные идеи существовали по всей Европе со дня Кальвина. В-третьих, одно из немногих обобщений, которое мы можем сделать о Гражданской войне, заключается в том, что католики и индепенденты находились на противоположных сторонах» [7. Р. 11–12].

Таким образом, Хилл констатирует, что на фоне большой энергии и убедительности доводов, Тревор-Ропер продемонстри-

ровал объективную несостоятельность своей гипотезы. Однако Хилл отдает должное этому историку в установлении ряда пунктов, на которые исследователям стоит обратить внимание. В частности, необходимо провести глубокие статистические исследования для того, чтобы сформулировать предварительные выводы по поводу положения дворянства в обозначенный период. Более того, Тревор-Ропер обозначил особую важность суда как источника случайной прибыли для удачливых [7. Р. 7].

В 50-е гг. XX в. дискуссия вокруг джентри вышла за пределы Великобритании. К ней присоединились видные историки Западной Европы и США. Наибольшую известность в 1950–60-е гг. получили работы Д. Пеннингтона и Д. Брантона, Б. Мэннинга, Д. Хекстера, П. Загорина и др. [12]. В июле 1957 г. в Великобритании состоялась международная конференция по проблемам английской революции XVII в., организованная журналом «Past and Present». Итогом встречи историков стало подтверждение гипотезы о «возвышении» джентри в XVI в. Э. Хобсбаум отмечал, что общее мнение участников конференции не разделяло выводы, к которым пришел профессор Оксфордского университета Тревор-Ропер [4].

С увеличением интереса к дискуссии и выходом ее за пределы британского научного сообщества внимание Хилла привлекает работа манчестерских исследователей Д.Х. Пеннингтона и Д. Брантона по проблемам гражданской войны, вышедшую в 1954 г. [2]. В ее основу лег анализ состава Долгого парламента. Был изучен социальный состав палаты общин, средний возраст членов, их семьи, экономическое положение и т.п. Однако Хилл отмечает, что итоговые результаты не раскрывают всей полноты исследовательского предела, которые можно было бы получить из проделанной работы. Серьезным заблуждением находит Хилл выводы, к которым пришли авторы в завершении своей работы. Само же исследование носило явный антимарксистский характер с целью развенчания концепции буржуазной революции. Так, историки отметили, что «оба противостоящих друг другу лагеря в палате общин (роялистский и сторонников парламента) включали представителей одних и тех же социальных классов – дворянства и буржуазии. Из этого они поспешили сделать вывод, что экономические различия и классовая борьба в английской революции, и в частности в граж-

данской войне, не играли никакой существенной роли». Хилл обращает внимание и на тот факт, что исследователи не сочли нужным дать интерпретацию «непостоянству» членов палаты общин в выборе партии. По мнению Хилла, такое поведение можно было объяснить происхождением членов парламента, которые перешли на сторону короны после 1642 г. в прямой связи с существующим контролем над их областью со стороны короны в начале гражданской войны [7. Р. 17–18].

Более того, Брантон и Пеннингтон в своей работе не проводят четкие различия между более слабым в экономическом плане роялистским Севером и Западом страны и экономически продвинутым Югом и Востоком Англии (регионами парламентского влияния) [7. Р. 7–11]. Помимо прочего, сомнительными кажутся и другие моменты: «из-за исключительной концентрации авторами своего внимания на экономических, географических и патрональных интересах создается впечатление, что вся политика – это грязная игра, борьба за приобретение служебных должностей... Я не считаю, что материальные конфликты – единственные, заслуживающие серьезного анализа. Такой подход, в самом деле, опровергает сам себя. Гражданская война действительно имела место, но Брантон и Пеннингтон не дают адекватного объяснения этому факту» [7. Р. 24]. Вот почему логичным Хиллу представляется и то, что Гражданская война не может быть понята, основываясь просто на изучении социального положения членов палаты общин Долгого парламента.

В революции середины XVII в. Хилл находит столкновение интересов трех классов. Этот конфликт обозначен историком «трехрукой борьбой». Хилл отмечает, что в борьбе с феодалами-землевладельцами и спекулянтами-финансистами интересы нового класса капиталистических купцов и фермеров временно совпадали с интересами мелкого крестьянства, ремесленников и подмастерьев. По мнению Хилла, поскольку развитие капитализма влекло за собой распад старых отношений в сельском хозяйстве и промышленности и превращение самостоятельных мелких ремесленников и крестьян в пролетариев, между купцами и фермерами-капиталистами, с одной стороны, и мелкими крестьянами и ремесленниками, с другой, неизбежно должен был развиваться конфликт [1. Р. 52].

В 1960–70-е гг. работы Л. Стоуна «освежили» дискуссию вокруг джентри. Стоун заявил, что рост джентри явился так называемым «оптическим обманом» на фоне кризиса аристократии [15]. Являясь приверженцем «социально-научной истории», Стоун использовал в изучении социальных сдвигов революции методы политологии, социологии, экономики. Все это позволило исследователю прийти к выводу, что размежевание внутри правящего класса проявилось в виде конфликта между феодальными джентри-рантье и буржуазными джентри-предпринимателями [14].

Таковы основные аспекты «спора о джентри» – дискуссии, в ходе которой ломались прежние «архаичные концепции», рождались новые подходы к изучению Англии XVII столетия и вовлекались новые исторические источники. Одним из последствий этой полемики стало то, что она положила начало не менее важной дискуссии об «общеевропейском кризисе XVII в.». С одной стороны, были подняты на обсуждение новые проблемные аспекты развития Англии в XVII в. С другой стороны – развернувшаяся полемика продемонстрировала многогранность и неоднозначность толкования этого явления европейской истории.

Открыла дискуссию статья историка-марксиста Э. Хобсбаума «Всеобщий кризис европейской экономики в XVII столетии» [8], хотя первым этот тезис на обсуждение выдвинул французский историк Р. Мунье [10]. Хобсбаум связал всеобщий кризис XVII в. в Европе с переходом от феодальной к капиталистической экономике, особенно проявившийся в Англии в результате революции. Однако Тревор-Ропер подверг критике высказывание Хобсбаума и отметил, что этот кризис не был сопряжен с революциями [18]. Сами же революции воспринимались оксфордским историком как «случайные явления», результаты ошибок европейских королей – например, Якова I и Карла I в Англии. В 1960 г. на страницах журнала «Past and Present» состоялось обсуждение проблемы «обще-европейского кризиса XVII века» [4].

Таким образом, возникшие дискуссии в британской историографии Английской революции в середине–второй половине XX в. обогатили представления историков об этом величайшем событии. Вместе с тем, они способствовали расширению исследовательского поля и стали стимулом к появлению новых направлений и тем исследований. И, несмотря на то, что в 1960–70-

е гг. проявился очевидный спад интереса к данным дискуссиям – они дали толчок развитию новым направлениям, прежде всего в британской историографии – неолиберальному и ревизионистскому.

Источники:

1. Хилл К. Английская революция 1640 г. М., 1940.
2. Brunton D., Pennington D. *Members of the Long Parliament*. Cambr.; Mass., 1954.
3. *Calendar of the Committee for compounding with Delinquents. 1643–1660* / Ed. By M.A. Green. L., 1889–1892.
4. Discussion of Trevor-Roper H.R.: *The General Crisis of the Seventeenth Century* // *Past and Present*. 1960. Nr. 18.
5. Hill C. *A Bourgeois Revolution?* // Hill C. *Collected Essays. People and Ideas in 17th century England*. Vol. 3. Amhest, 1986.
6. Hill C. *Resent Interpretations of the Civil War* // *History*. 1956. Nr. 141-143. P. 67–87.
7. Hill C. *Resent Interpretations of the Civil War* // *Puritanism and Revolution. Studies in interpretation of the English Revolution of the 17 century*. L., 1958.
8. Hobsbawn E. *The General Crisis of the European Economy in the 17th Century* // *Past and Present*. 1954. Nr. 5.
9. Keeler M.F. *The Long Parliament, 1640–1641. A Biographical Study of its Members*. Philadelphia, 1954.
10. Mousnier R. *Les XVIIe et XVIIIe siecles. Histoire Generale des Civilisations*. T. IV. P., 1954.
11. *A Royalist's Notebook: Sir John Oglander* / Ed. By F. Bamford. L., 1936.
12. *Seventeenth century revolutions* // *Past and Present*. 1958. April.
13. Stone L. *The Anatomy of Elizabethan Aristocracy* // *Economic History Review*. 1948. Vol. 18. Nr. 1. P. 3–40.
14. Stone L. *The Causes of the English Revolution, 1529–1642*. L., 1972.
15. Stone L. *The Crisis of Aristocracy, 1558–1641*. L., 1967.
16. Tawney R.H. *The Rise of the Gentry, 1558-1640* // *Economic History Review*. 1941. Vol. 11. Nr. 1.
17. Trevor-Roper H.R. *The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized* // *Economic History Review*. 1951. Vol. 3. Nr 3.
18. Trevor-Roper H.R. *The General Crisis of the 17th Century* // *Past and Present*. 1959. Nr. 16.